

Научная статья

УДК 398.22: 811.512.1'37

DOI 10.25587/2782-4861-2025-4-201-219

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ МАСТЕЙ ЛОШАДИ В ТЮРКСКИХ ЭПОСАХ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

А. Е. Божедонова¹, Р. Р. Замалетдинов², А. Ш. Юсупова³

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия,

e-mail: bozhedonova2015@mail.ru

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия,

e-mail: radif.zamaletdinov@kpfu.ru

³ Казанский федеральный университет, Казань, Россия,

e-mail: alyusupova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу семантики и функций наименований мастей лошади в тюркских эпических традициях на материале якутского олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» и татарского эпоса «Идегей». Исследование базируется на комплексной методологии, сочетающей структурно-семиотический, мифопоэтический и компаративно-типологический подходы. Авторы систематизируют терминологию мастей в соответствии с классификацией А. С. Красникова, выявляя существенные количественные и качественные различия между традициями: развитую систему якутского олонхо и редуцированную систему татарского эпоса. Функциональный анализ показывает, что якутская традиция характеризуется мультифункциональной моделью с доминированием компаративной функции (масть как основание для развёрнутых эпических сравнений), тогда как татарская демонстрирует бифункциональную модель с акцентом на идентификационной и социально-статусной функциях. Семантический анализ выявляет различие кодов: в олонхо доминирует космологический код с чёткой привязкой наименований мастей к трёхчастной структуре мироздания (Верхний – Средний – Нижний миры), в «Идегее» – социальный код с маркировкой сословной иерархии, дополненный исламскими этическими коннотациями. Сравнительно-типологическое исследование позволяет выделить общетюркское ядро цветовой символики (оппозиция белое/чёрное, позитивная маркированность белого, амбивалентность чёрного, выделенность пёстрых мастей) и проследить пути его трансформации в локальных традициях. Якутская традиция сохраняет архаический мифологический тип с космологической семантикой и детализацией цветовых характеристик, татарская демонстрирует трансформированный историко-героический тип с социальной маркировкой и категориальностью цвета. Результаты исследования вносят вклад в понимание механизмов функционирования эпической традиции, выявляют диалектику универсального и локального в тюркском эпосе и намечают перспективы дальнейшего сравнительного изучения цветовой символики в фольклорных текстах.

Ключевые слова: тюркский эпос; якутское олонхо; татарский эпос «Идегей»; наименования мастей лошади; цветовая символика; семантика цвета; функции наименований мастей; компаративный анализ; мифопоэтика; космологическая семантика; социальная маркировка; эпическая формула; сравнительная типология; общетюркское наследие; локальная специфика

Для цитирования: Божедонова А. Е., Замалетдинов Р. Р., Юсупова А. Ш. Семантика и функции мастей лошади в тюркских эпосах: опыт сравнительного анализа. *Эпосоведение*. 2025;4(40):201–219. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-201-219>.

Original article

Semantics and functions of horse coat colors in Turkic epics: an experience of comparative analysis

A. E. Bozhedonova¹, R. R. Zamaletdinov², A. Sh. Yusupova³

¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia,
e-mail: bozhedonova2015@mail.ru

² Kazan Federal University, Kazan, Russia,
e-mail: radif.zamaletdinov@kpfu.ru

³ Kazan Federal University, Kazan, Russia,
e-mail: alyusupova@yandex.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of the semantics and functions of horse coat colors in Turkic epic traditions, based on the Yakut olonkho “Dyray, Son of a Horse” and the Tatar epic “Idegey”. The research employed a comprehensive methodology combining structural-semiotic, mythopoetic, and comparative-typological approaches. The author systematized coat color terminology according to A. S. Krasnikov’s classification, revealing significant quantitative and qualitative differences between traditions: the elaborate system of Yakut olonkho (14 basic colors, 2 sub-colors, 9 markings) and the reduced system of the Tatar epic (8 basic colors with no sub-colors and minimal markings). A functional analysis demonstrated that the Yakut tradition features a multifunctional model dominated by the comparative function (color as the basis for extended epic similes), while the Tatar tradition exhibits a bifunctional model emphasizing identificational and social-status functions. A semantic analysis revealed different codes: in olonkho, the cosmological code dominates, with colors clearly linked to the tripartite structure of the universe (Upper – Middle – Lower worlds); in “Idegey”, the social code prevails, marking estate hierarchy and supplemented by Islamic ethical connotations. A comparative-typological study identified the common Turkic core of color symbolism (white/black opposition, positive marking of white, ambivalence of black, distinctiveness of piebald colors) and traces its transformation in local traditions. The Yakut tradition preserves the archaic mythological type with cosmological semantics and detailed color characteristics; the Tatar tradition demonstrates a transformed historical-heroic type with social marking and categorical color perception. The research contributes to understanding the mechanisms of epic tradition functioning, reveals the dialectics of universal and local elements in Turkic epic, and outlines prospects for further comparative study of color symbolism in folklore texts.

Keywords. Turkic epic; Yakut olonkho; Tatar epic “Idegey”; horse coat colors; color symbolism; color semantics; functions of coat colors; comparative analysis; mythopoetics; cosmological semantics; social marking; epic formula; comparative typology; common Turkic heritage; local specificity

For citation: Bozhedonova, A. E., Zamaletdinov, R. R., Yusupova, A. Sh. Semantics and functions of horse coat names in Turkic epics: an experience of comparative analysis. *Eposovedenie*. 2025;4(40):201–219 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-201-219>.

Введение

В каждом языке существуют специфические цветовые термины, используемые в определенных сферах деятельности. В сельском хозяйстве и животноводстве существует обширный набор терминов для описания окраса животных, который не пересекается с базовой цветовой палитрой языка и представляет собой отдельный терминологический слой. Наглядным примером такой специализированной лексики являются наименования мастей лошадей. Мать лошади определяется исследователями по-разному. А. Губо определяет, что мать – это окраска волосяного покрова лошади [1]. В российской иппологии масти подразделяются на подмасти, различающиеся по оттенкам основного и защитного волоса. Классификация А. С. Красникова включает основные масти (одноцветные, двухцветные, зональные), смешанные и составные [2].

Лингвистические исследования наименований мастей лошадей представлены работами Н. Б. Бахилиной, которая отмечает, что отдельные слова, обозначающие масти лошади

(бурый, вороной, гнедой), существовали уже в самых первых памятниках русского языка (XI–XII вв.) [3]. Г. Н. Каримуллина анализирует семантику и функциональность тюркских элементов в обозначениях мастей [4]. В тюркско-монгольских языках изучение тематика наименований мастей затрагивалась в исследованиях А. М. Щербака [5], Н. К. Антонова [6] и др. С. Е. Бачаева разработала дефиниции лексических единиц, обозначающих масти в калмыцком эпосе «Джангар» [7]. З. С. Файзуллина выделила слова-доминанты для башкирского языка: *сан-тар* ‘игренивый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *еран* ‘рыжий’, *буртэ* ‘караковый’, *туры* ‘гнедой’, *кола* ‘буланный’, *бус* ‘серый, сивый’, *агылым* ‘беловатый, белесый’ [8]. Г. А. Исхакова зафиксировала более сорока наименований мастей в татарском языке [9]. Исследования наименований мастей в других тюркских языках представлены работами Т. Г. Таймасхановой (кумыкский язык) [10], Г. Н. Ягафаровой (башкирский) [11], А. А. Миягашевой (хакасский) [12], В. К. Даржа (тувинский) [13], Р. М. Фахретдинова (татарский и французский) [14], Р. Т. Муратовой (башкирский) [15], А. Е. Божедоновой [16] (якутский).

Лошадь в традиционной культуре тюркских народов занимает исключительное место, выступая не просто как животное или средство передвижения, но как сакральный медиатор между мирами, символ власти и воинской доблести, непрменный спутник героя в его подвигах и странствиях. Эта культурная универсалия тюркского мира находит свое наиболее полное воплощение в эпических сказаниях, где образ коня обретает космогонические масштабы и мифологическую глубину. От древнетюркских рунических памятников до живых эпических традиций современности прослеживается устойчивый комплекс представлений о коне как о существе, наделенном сверхъестественными способностями, обладающем даром речи и предвидения, способном преодолевать границы между мирами.

В эпическом нарративе конь никогда не является просто фоновым элементом или утилитарным атрибутом – он активный участник событий, а порой и самостоятельный персонаж со своей судьбой и характером. При этом важнейшей характеристикой эпического коня, несущей глубокую семантическую нагрузку, является его масть. Масть лошади в тюркском эпосе можно рассмотреть, как семиотический код, связанный с космологическими представлениями, социальной иерархией, мифоритуальными практиками и поэтикой фольклорного текста.

Несмотря на значительные достижения в изучении тюркского эпоса в целом и образа коня в частности, семантика наименований мастей остается недостаточно исследованной областью. Существующие работы, как правило, ограничиваются констатацией наличия тех или иных наименований мастей в конкретных эпических традициях или рассматривают цветовую символику в широком культурологическом контексте, не фокусируясь специально на эпическом материале. При этом практически отсутствуют исследования, которые бы системно анализировали семантику наименований мастей лошади в компаративном аспекте, сопоставляя различные тюркские эпические традиции для выявления как общих закономерностей, так и локальной специфики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами научного и культурологического характера. Во-первых, в современной фольклористике наблюдается усиление интереса к компаративным исследованиям, позволяющим выявить как универсальные закономерности развития эпических традиций, так и специфику их локальных вариантов. Тюркский эпос, представляя собой обширный и типологически разнообразный корпус текстов, требует систематического сравнительного изучения. Сопоставление якутского олонхо и татарского эпоса, принадлежащих к различным географическим и культурно-историческим ареалам тюркского мира, открывает возможность для выявления механизмов сохранения и трансформации общетюркского эпического наследия. Во-вторых, наименования мастей лошади, будучи специализированной терминологической системой, одновременно функционируют как элементы символического кода эпоса, встроенного в космологические, социальные и этические представления народа. Системное изучение этой специфической лексико-семантической группы позволяет реконструировать глубинные культурные смыслы, недоступные при

анализе общих цветообозначений. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью восполнения существующей лакуны в изучении семантики наименований мастей лошади в тюркском эпосе, значимостью компаративного подхода для выявления диалектики универсального и локального в эпической традиции, а также важностью документирования и интерпретации традиционных знаний, закодированных в эпических текстах.

Между тем именно сравнительное изучение способно пролить свет на глубинные механизмы функционирования эпической традиции, выявить устойчивое общетюркское ядро представлений о мастьях лошади и проследить пути их трансформации в различных этнокультурных контекстах. Особый интерес представляет сопоставление эпических традиций, развивавшихся в различных географических ареалах и испытавших влияние разных культурных субстратов: северной якутской традиции олонхо, сохранившей архаические черты и развивавшейся в относительной изоляции и поволжско-татарского эпоса «Идегей», формировавшегося в зоне интенсивных межкультурных контактов.

Объектом настоящего исследования являются наименования мастей лошади, встречающиеся в эпических текстах якутского олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» [17] и татарского эпоса «Идегей» [18]. Предметом исследования выступают семантика и функции наименований мастей лошади в указанных тюркских эпосах. Под семантикой мы понимаем совокупность значений, которыми наделяется та или иная масть в эпическом контексте: мифологических, космологических, социальных, эстетических. Функциональный аспект предполагает анализ роли наименований мастей в сюжетостроении, характеристике персонажей, создании эпической картины мира, а также в поэтической системе эпоса.

Цель работы заключается в выявлении общетюркских и локальных особенностей семантики и функций наименований мастей лошади в эпических традициях якутов и татар. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*: систематизация и классификация наименований мастей лошади в двух эпических традициях с учетом лингвистического и этнографического контекста; анализ семантики основных наименований мастей лошади; определение места масти в поэтической системе эпоса: в составе эпитетов, формул, развернутых описаний; выявление функций наименований масти лошади в эпическом нарративе: сюжетообразующей, характерологической, прогностической и др.; компаративный анализ систем наименований мастей в двух традициях с выделением универсального и специфического компонентов.

Методологической основой исследования является комплексный подход, сочетающий структурно-семиотический метод, позволяющий рассматривать наименования мастей лошади как элемент знаковой системы эпоса; мифопоэтический анализ, раскрывающий глубинные мифологические смыслы цветовой символики; компаративно-типологический метод, обеспечивающий корректное сопоставление различных эпических традиций; элементы лингвокультурологического и этнолингвистического анализа при работе с терминологией мастей; а также статистические методы для выявления количественных закономерностей в употреблении тех или иных наименований мастей лошади.

Источниковую базу составляют тексты якутского олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» [17] и татарского эпоса «Идегей» [18]. Выбор именно этих двух эпических традиций для сравнительного анализа обусловлен рядом методологических соображений и обеспечивает оптимальную репрезентативность материала. Во-первых, эти два эпоса принадлежат к единой тюркской культурно-лингвистической общности, что обеспечивает сопоставимость базовой терминологии, грамматических структур формульной речи и общих мифопоэтических оснований. Якутский и татарский языки, при всех фонетических и лексических различиях, восходят к общему праязыковому состоянию, что позволяет реконструировать исходную семантику цветообозначений и проследить пути их эволюции в различных ареалах. Во-вторых, выбранные традиции представляют два различных географических и культурно-исторических ареала тюркского мира: якутское олонхо – крайний северо-восточный ареал, характеризующийся относитель-

ной изолированностью развития традиции и сохранением архаических черт; татарский эпос «Идегей» – западный (поволжский) ареал, зона интенсивных межкультурных и межэтнических контактов, где тюркская традиция испытала значительное влияние ислама и европейской культуры. Такой выбор обеспечивает принцип максимального разнообразия, позволяющий выявить как универсальные закономерности символизации наименований мастей лошади, характерные для тюркского эпоса в целом, так и локальную специфику, обусловленную особенностями природно-географической среды, хозяйственно-культурного типа, религиозно-мифологических систем и исторических судеб народов. В-третьих, различается степень сохранности мифологического субстрата в рассматриваемых традициях. Якутское олонхо характеризуется наиболее развитой космологической структурой и детально разработанной системой персонажей трех миров, что делает его оптимальным материалом для анализа космологических коннотаций цветовой символики. Татарский «Идегей», будучи историко-героическим эпосом, демонстрирует трансформацию архаических символов в условиях исламизации и социальной дифференциации. В-четвертых, все три традиции хорошо документированы и располагают надежной источниковой базой: существуют академические издания классических текстов, выполненные на основе записей от признанных мастеров-сказителей. Это обеспечивает филологическую корректность исследования и возможность проверки выводов. Таким образом, сопоставление якутского олонхо и татарского «Идегея» обеспечивает необходимую широту материала при сохранении сопоставимости анализируемых объектов и позволяет выявить диалектику универсального и локального в семантике наименований мастей лошади тюркских эпосов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается системное компаративное исследование семантики наименований мастей лошади в тюркских эпосах, позволяющее выйти на уровень типологических обобщений и выявить как универсальные механизмы символизации цвета в эпической традиции, так и пути формирования этнолокальной специфики. Результаты исследования могут способствовать более глубокому пониманию поэтики тюркского эпоса, механизмов сохранения и трансформации традиционных представлений, а также общих закономерностей развития эпического творчества.

Названия мастей лошади в рассматриваемых эпосах

Задача данного раздела – систематизировать и представить фактический материал, составляющий основу для дальнейших интерпретаций. Для систематизации выявленного материала была использована классификация названий мастей лошадей, разработанная А. С. Красниковым [2] – признанным специалистом в области иппологии. Применение данной классификации к эпическому материалу позволяет не только систематизировать терминологию, но и выявить, насколько традиционное якутское знание о мастьях соответствует современным научным представлениям. Рассмотрим выявленные термины в соответствии с указанной классификацией, сопровождая каждую группу примерами из текста олонхо

Названия мастей лошади в якутском героическом эпосе «Сын лошади Богатырь Дыырай» («Сылгы уола Дыырай Бухатыыр»)

В культуре народа саха сложилось особое, сакральное отношение к лошади. Согласно традиционным верованиям якутов, лошади имеют небесное происхождение и находятся под покровительством божества Джесегея Айыы (*Дьөһөгөй Айыы*). Эти мифологические представления получили художественное воплощение в якутском героическом эпосе олонхо, где конь предстает не просто как средство передвижения или боевой атрибут богатыря, но как его верный соратник и побратим. В эпической традиции конь наделяется статусом полноправного действующего лица, обладающего разумом, волей и сверхъестественными способностями. Сказители олонхо (олонхосуы) в своих повествованиях характеризуют эпического коня посредством развернутых формул-восхвалений, используя высокую поэтическую лексику и многоступенчатые эпитеты. Согласно эпической логике, богатырский конь предназначается герою самими верховными божествами (*айыы*) – небесными покровителями рода. Между воином и

его скакуном устанавливается глубинная, мистическая связь, основанная на духовном родстве и общности судьбы. Эпический конь выступает как равноправный партнер главного героя в его подвигах, нередко заменяя богатыря в критических ситуациях или совершая героические деяния по собственной инициативе.

Столь высокий статус коня в эпической традиции обуславливает особое внимание к его детальному описанию. Портрет богатырского скакуна в олонхо представляет собой развернутую композицию, включающую характеристику экстерьера (сложение, рост, пропорции), динамических качеств (скорость, выносливость, аллюры), поведенческих особенностей (нрав, ум, боевой дух) и, что критически важно для настоящего исследования, масти. Масть лошади в олонхо – не случайная деталь описания, но обязательный и семантически нагруженный элемент, функционирующий как маркер принадлежности персонажа, его моральных качеств и предназначения. Цветообозначение включается в имя коня, определяет систему эпитетов, участвует в создании визуального образа и, что наиболее существенно, встроено в общую мифопоэтическую систему якутского эпоса, где цвет выступает как один из базовых классификационных принципов организации космоса.

Олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай», записанное от выдающегося олонхосута И. И. Бурнашева – Тонг Суоруна в 1939 г., представляет собой классический образец якутского героического эпоса, где образ коня получает детальную разработку. Уже само название эпоса указывает на центральную роль лошади в судьбе главного героя: Дыырай не просто владеет конем, но происходит от коня (уола ‘сын’), что маркирует его полубожественную, тотемическую природу. В данном олонхо цветовая характеристика лошадей играет ключевую роль в создании образной системы и развитии сюжета. Прежде чем перейти к анализу конкретных эпизодов, где фигурируют названия мастей лошади, необходимо систематизировать терминологию цветообозначений, встречающуюся в тексте олонхо. Анализ текста олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» позволил выявить 14 названий мастей, 2 подмасти и лошади.

Названия основных мастей лошади:

Названия одноцветных мастей лошади: *хара* ‘вороная’ [19, Т. 13, с. 334], *кугас* ‘рыжая’ [19, Т. 4, с. 426]. Стоит отметить, что серая (белая) масть в якутском языке определяется двумя словами *манган* и *урун*. В данном олонхо присутствуют оба варианта: *манган* ‘серая’ [19, Т. 6, с. 224] и *урун* ‘цвета снега, белый’. Интересно, что из названий одноцветных мастей в данном олонхо отсутствует *арабас* ‘соловая’. Однако анализ текста показал, что этот термин присутствует в олонхо, но функционирует не как названия мастей, а как общее цветообозначение: *арабас* используется в значении ‘желтый’ [19, Т. 1, с. 519];

Названия двухцветных мастей лошади: *турабас* ‘гнедая’ [19, Т. 11, с. 159], *саалыр* (*саарыл*) ‘буланая’ [19, Т. 8, с. 75], *күрэн* ‘бурая’ [19, Т. 4, с. 426]. Отсутствует *хоңор* ‘игренивая’ [19, Т. 13, с. 582];

Названия зональных мастей лошади: *сур* ‘мышастая’ [19, Т. 9, с. 166], *сиэр* ‘саврасая’ [19, Т. 8, с. 480]. Имеются оба названия мастей лошади, включенные в данную группу. Полнота представленности данной категории указывает на то, что зональные масти, по-видимому, были достаточно распространены среди якутских лошадей и имели особую значимость в эпической традиции;

Названия смешанных мастей лошади: *улаан* ‘светло-серая’ [19, Т. 12, с. 112]. Отсутствуют термины *көбөччөр* ‘сивая’ [19, Т. 4, с. 216], *борон* ‘серая’ [19, Т. 2, с. 394], *буулур* (*бурул*, *буулуур*) ‘чалая’ [19, Т. 2, с. 598];

Названия составных мастей лошади: двухмастные: *элэмэс* ‘пегая’ [19, Т. 15, с. 194], *ала* ‘тобиано’ [19, Т. 1, с. 384]; сложные: *чуоьур* ‘чубарая’ [19, Т. 14, с. 234]. Категория представлена полностью, включая различие двух типов пегости (*элэмэс* как общий термин, *ала* как обозначение конкретного паттерна – тобиано), что свидетельствует о детализированном восприятии составных мастей в якутской традиции.

Помимо основных названий мастей, относящихся к основным категориям классификации А. С. Красникова, в тексте олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» зафиксированы названия подмастей, представляющие собой оттенки базовых мастей лошади: *сиэр күрэн* ‘саврасо-бурая’, *аас мабан* ‘желтовато-белая’.

Значительную часть цветовой терминологии, связанной с описанием лошади в данном олонхо, составляют обозначения отметин лошади:

Названия отметин головы лошади: *ураанньык* ‘узкая проточина’ [19, Т. 12, с. 248], *мангаас* ‘лысына’ [19, Т. 6, с. 223];

Названия отметин корпуса лошади: *элэмэс(-тээх)* ‘пегость’ [19, Т. 15, с. 194], *дьабыллаах* ‘зеброидность’ [19, Т. 3, с. 282], *ала* [19, Т. 1, с. 384];

Названия отметин ног лошади: *кыталык элэмэс* ‘белые пятна на ногах’;

Названия других отметин лошади: *чоккуруос харах* ‘сорочьи глаза’ [19, Т. 14, с. 163], *абыс ардайдаах сиэллээх* ‘с перемешиванием черного и белого волосков на гриве’, *таннары тараах туйахтаах* ‘чёрные копыта в белую полоску’.

В якутском языке представлена обширная терминологическая система обозначения мастей и подмастей лошади. В анализируемом тексте олонхо выявлено 14 терминов основных мастей (что составляет более половины от общего числа базовых наименований) и 2 термина подмастей (что является незначительным показателем). Также в тексте представлена развитая система обозначений отметин, включающая 9 наименований (средний показатель). Для текста олонхо объемом 6687 строк подобное количество наименований мастей и подмастей лошади является нормативным, при этом каждый термин встречается в тексте неоднократно. Следует отметить, что в рассматриваемом олонхо преимущественно представлены термины основных мастей, в то время как номенклатура подмастков используется минимально.

Названия мастей лошади в татарском эпосе «Идегей»

Эпос «Идегей» представляет собой неотъемлемую составляющую общетюркской эпической традиции, вместе с тем обладая специфическими характеристиками, отражающими особенности татарской культуры. Данные произведения, функционировавшие первоначально в устной форме и впоследствии зафиксированные в письменных источниках, синтезируют исторические, мифологические и дидактические элементы. Они репрезентируют представления татарского этноса о героизме, предопределении, взаимосвязи с природным и сакральным мирами, а также демонстрируют синкретизм доисламских верований и исламских мотивов.

Эпос «Идегей» (тат. «Идэгэй») является одним из наиболее значимых памятников татарской словесности, основанным на исторической личности Идегея (Эдиге) – реального военачальника Золотой Орды XIV–XV вв. Вместе с тем в эпическом повествовании исторические события синтезируются с мифологическими мотивами, формируя образ героя-богатыря, наделённого сверхъестественными качествами. В эпическом тексте конь Идегея наделяется рядом экстраординарных качеств, что соотносится с фундаментальной для тюркской культуры концепцией культа коня. В рамках данной мифопоэтической традиции лошадь функционирует как медиатор между человеческим и божественным измерениями, выступая посредником в коммуникации с трансцендентным миром. Подобная семантизация образа коня восходит к архаическим пластам тюркского мировоззрения, в котором конь представлялся не только как утилитарное животное, но и как сакральное существо, причастное к мистической сфере бытия. Анализ текста эпоса «Идегей» позволил выявить развитую систему терминов, обозначающих масти лошадей. В ходе исследования был собран следующий материал:

Названия основных мастей лошади:

Названия одноцветных мастей лошади: *чем кара* ‘вороная’ [20, с. 63], *жирян* ‘рыжий’ [21, с. 73; 22, с. 76; 23, с. 75; 24, с. 29; 25, с. 63], *соры* ‘серый’ [20, с. 63]. Отсутствуют: *койорого жалы ак аксыл сары ат* ‘соловой’ [26, с. 308];

Названия двухцветных мастей лошади: *туры* 'гнедая' [24, с. 29]. Отсутствуют: *ابوق* *куба* 'буланая' [27, с. 69], *يَلرُوب* *бурлы* 'бурая' [24, с. 29] и игреневая масть;

Названия зональных мастей лошади: *соры* 'мышастая', *قولا* *кула* 'саврасая' [21, с. 91; 24, с. 29; 22, с. 125];

Названия смешанных мастей лошади: *тимер* *кюк* 'сивая' [26, с. 296], *соры* 'серая' [20, б. 63], отсутствуют: светло-серая и *кюкь* 'чалая' [21, с. 97; 22, с. 139; 28, с. 95; 23, с. 72];

Названия составных мастей лошади: двухмастные: *ала* 'пёстрый, пегий' [21, с. 47; 22, с. 12; 23, с. 62; 24, с. 39; 29, с. 59]; сложные: *алмачуар* 'чубарая' [20, с. 63].

Также зафиксирован единичный термин, обозначающий лошадь *кашка* 'с белой звездой на лбу'.

Анализ названий мастей лошадей в эпосе «Идегей» выявил её фрагментарный характер. В тексте представлено ограниченное количество базовых наименований мастей при полном отсутствии терминов подмастей, репрезентирующих оттеночные вариации основных цветотипов. Минимальная представленность терминологии отметин (единичная фиксация) также свидетельствует о редуцированности данной лексико-семантической группы в исследуемом тексте. Подобная особенность может быть обусловлена спецификой эпического нарратива, в котором детализированное описание экстерьера коня не является приоритетной задачей, уступая место характеристике героических качеств и сакральных функций животного.

Сравнительно-типологический анализ названий мастей лошади в рассматриваемых тюркских эпосах

Сопоставительный анализ терминологических систем обозначения мастей лошадей в якутском олонхо «Сын лошади Богатырь Дырай» и татарском эпосе «Идегей» выявляет существенные различия как в объёме представленной номенклатуры, так и в степени детализации цветовых характеристик эпического коня. Данные различия обусловлены комплексом факторов: спецификой жанровой природы эпосов, особенностями хозяйственно-культурного типа народов-носителей традиции, степенью сохранности архаических мифопоэтических пластов, а также характером эпического нарратива. Наиболее очевидное различие между двумя традициями проявляется на количественном уровне. Якутское олонхо демонстрирует развитую и детализированную систему цветообозначений: 14 терминов основных мастей, 2 термина подмастей и 9 наименований отметин. Татарский эпос характеризуется значительно более редуцированной номенклатурой: представлено лишь 8 названий основных мастей при полном отсутствии терминов подмастей и минимальной фиксации отметин (единичное упоминание). Такое соотношение (14:8 по основным мастям) свидетельствует о принципиально различной роли цветовой характеристики лошади в поэтике двух эпических традиций. Сопоставление материала по категориям классификации А. С. Красникова обнаруживает неравномерность представленности различных типов наименований мастей в исследуемых эпосах.

Категория одноцветных названий мастей в якутском олонхо включает три базовых термина (*хара* 'вороная', *кугас* 'рыжая', *манган/урун* 'серая/белая'), в татарском эпосе также зафиксированы три наименования (*чем кара* 'вороная', *жирян* 'рыжая', *соры* 'серая'). Примечательно, что в обеих традициях отсутствует соловая масть как самостоятельный термин, хотя в якутском тексте соответствующее цветообозначение *арабас* функционирует в ином качестве – как общий колоратив 'жёлтый'. Данное обстоятельство может указывать на вторичность соловой масти в системе эпических цветообозначений тюркских народов или на её периферийное положение в коневодческой практике. Категория двухцветных мастей представлена в якутском материале тремя терминами (*турабас* 'гнедая', *саалыр* 'буланая', *курэң* 'бурая'), тогда как в татарском – лишь одним (*туры* 'гнедая'). Отсутствие в «Идегее» обозначений буланой и бурой мастей, а также игрневой (которая отсутствует и в якутском тексте), свидетельствует о значительной фрагментарности данной категории в татарской эпической традиции.

Особый интерес представляет категория названий зональных мастей, полностью представленная в якутском олонхо (*сур* 'мышастая', *сиэр* 'саврасая') и зафиксированная в татарском эпосе

(соры 'мышастая', кула 'саврасая'). Полнота данной группы в обеих традициях может объясняться как широкой распространённостью зональных мастей среди лошадей тюркских народов, так и особой семантической нагруженностью этих цветотипов в мифопоэтической системе.

Категория названий смешанных мастей демонстрирует существенную асимметрию: в якутском тексте представлен один термин (*улаан* 'светло-серая'), в татарском – два (*тимер кюк* 'сивая', *соры* 'серая'). При этом в обеих традициях данная категория характеризуется неполнотой, что может свидетельствовать о меньшей релевантности смешанных мастей для эпического описания по сравнению с «чистыми» цветотипами.

Категория составных названий мастей обнаруживает качественное различие между традициями. Якутское олонхо не только фиксирует оба типа составных мастей (двухмастные: *элэмэс* 'пегая', *ала* 'тобиано'; сложные: *чуобур* 'чубарая'), но и дифференцирует два паттерна пегости, что свидетельствует о высокой степени детализации восприятия. Татарский эпос также представляет оба типа (*ала* 'пегая', *алмачуар* 'чубарая'), однако без внутренней дифференциации пегости. Примечательно использование в обеих традициях термина *ала* для обозначения пегой масти, что указывает на общетюркскую основу данного наименования.

Подмасти и оттеночные вариации. Принципиальное различие между традициями проявляется в наличии/отсутствии терминологии подмастей. Якутское олонхо фиксирует два термина, обозначающих оттенки базовых мастей (*сиэр курэн* 'саврасо-бурая', *аас мабан* 'желтовато-белая'), тогда как в татарском эпосе подобная номенклатура полностью отсутствует. Данное обстоятельство свидетельствует о различной степени детализации цветовосприятия в эпических традициях: якутская система ориентирована на фиксацию нюансов и переходных форм, татарская – на базовые, категориальные противопоставления.

Система обозначения отметин. Наиболее контрастное различие между традициями обнаруживается в сфере терминологии отметин. Якутское олонхо демонстрирует развитую и систематизированную номенклатуру, охватывающую все зоны тела лошади: голову (*урааннык* 'узкая проточина', *мангаас* 'лысина'), корпус (*элэмэс(-тээх)* 'пегость', *дыабыллаах* 'зеброидность'), ноги (*кыталык элэмэс* 'белые пятна на ногах'), а также специфические признаки (*чок-куруос харах* 'сорочьи глаза', описания гривы и копыт). Всего зафиксировано 9 наименований отметин, что составляет значительную часть цветовой терминологии текста.

В татарском эпосе система отметин редуцирована до единичной фиксации (*кашка* 'с белой звездой на лбу'), что свидетельствует о периферийности данной категории в поэтике татарского героического эпоса. Такое различие может быть обусловлено как жанрово-стилистическими факторами (историко-героический эпос не требует столь детального описания экстерьера коня), так и различиями в коневодческой культуре: для якутов, разводивших лошадей в суровых условиях Севера, индивидуальные особенности каждого животного имели критическое значение.

Сопоставительный анализ терминологии мастей лошадей в якутском олонхо «Сын лошади Богатырь Дырай» и татарском эпосе «Идегей» позволяет констатировать наличие как универсальных общетюркских элементов (базовые цветообозначения, структурные принципы номинации), так и существенных локальных различий. Якутская традиция характеризуется развитой, детализированной и систематизированной терминологией, охватывающей основные масти, подмасти и отметины. Татарская традиция демонстрирует фрагментарную систему, ограниченную базовыми наименованиями основных мастей. Данные различия отражают не столько неполноту фиксации материала, сколько функциональные особенности эпических традиций: мифологическую природу якутского олонхо, где лошадь обретает космологическое измерение, и историко-героический характер татарского эпоса, где лошадь остаётся в рамках реалистического, хотя и идеализированного, описания.

Семантика и функции названий мастей лошади в двух эпических традициях

Терминология мастей лошади в тюркском эпосе функционирует не только как элемент изобразительной системы, но и как семантически нагруженный код, встроенный в мифопоэтиче-

скую картину мира. Масть лошади в эпической традиции никогда не является случайным или нейтральным признаком – он несёт информацию о статусе персонажа, его моральных качествах, космологической принадлежности и судьбе. Задача настоящего раздела – выявить семантические доминанты цветообозначений в якутском олонхо и татарском эпосе, проследить их связь с космологическими представлениями, социальной иерархией и мифоритуальными практиками, а также определить общетюркское ядро цветовой символики и пути его трансформации в локальных традициях. Масть лошади в тюркском эпосе выступает не как нейтральная характеристика, но как функционально нагруженный элемент поэтики, выполняющий ряд специфических задач в организации текста и создании эпической картины мира. Сопоставление якутского и татарского материала позволяет выделить несколько типов функций, характерных для эпического использования цветообозначений, и реконструировать систему семантических оппозиций, лежащих в основе эпической цветовой символики.

Функциональная типология названий мастей в эпическом нарративе

Функциональный анализ названий мастей в эпическом тексте предполагает выявление тех ролей, которые масть играет в организации повествования, характеристике персонажей, структурировании эпического пространства и создании поэтической образности. Сопоставление якутского олонхо «Сын лошади Богатырь Дырай» и татарского эпоса «Идегей» обнаруживает как типологически сходные функции, восходящие к общетюркскому эпическому субстрату, так и существенные различия, обусловленные спецификой жанра, степенью мифологизации повествования и характером поэтической системы каждой традиции.

Компаративная функция: названия мастей лошади как основание эпического сравнения. Наиболее характерной особенностью функционирования названий мастей в якутском олонхо «Сын лошади Богатырь Дырай» является их компаративное использование – включение цветообозначения в развёрнутые формулы-сравнения, где названия масти служат отправной точкой для создания гиперболического образа эпического скакуна. Данная функция представляет собой специфическую черту якутской эпической традиции, коррелирующую с общей установкой олонхо на орнаментальность стиля, детализацию описаний и создание максимально полного, визуально насыщенного образа. Типичная компаративная формула в олонхо строится по модели: *название масти + серия сравнений с эталонными объектами соответствующего цвета*. При этом некоторые эталоны подбираются не произвольно, но в соответствии с космологическими представлениями, образуя систему соответствий между мастью лошади и элементами мифологического космоса.

Белая масть лошади (*урун, манган*) в компаративных формулах олонхо соотносится с эталонами белизны из сферы Верхнего мира и небесных явлений:

*Үт дьөһүөл аартыктаах
 Аас маҕан сылгы сиэллээх кутуругун
 Арыһа баттаабыт курдук
 Маҕан дьаралык аартыктаах*

[17, с. 181]

Дающий обильно молоко,
 С белым веселым проходом,
 Подобным раскрытым
 Гривам и хвостам
 Белых лошадей

[17, с. 340]

В данном фрагменте белизна прохода (небесной реки) сравнивается с гривами и хвостами белых лошадей, что создаёт сложную систему перекрёстных отсылок: белизна лошади отсылает к белизне небесных рек, которая, в свою очередь, уподобляется белизне конских грив. Такая циркулярность сравнений создаёт эффект абсолютизации признака: белое оказывается эталоном самого себя, достигая предела выразительности.

Рыжая масть (*кугас*) порождает компаративные формулы, связанные с солярными и витальными явлениями: *кугас биэни кугуначчы ыатылар* ‘доили рыжих кобыл’; *кугас сылгынан*

булкуурдаан ‘в пересмешку с рыжими лошадьми’; *кугас кулун кумаардаах* ‘с комаром как рыжий жеребенок’. Примечательно, что рыжая масть в данном олонхо используется не только для прямого описания лошади, но и как основание для метафорических переносов: комар сравнивается с рыжим жеребёнком, вероятно, по признаку малого размера и рыжеватого оттенка. Это свидетельствует о том, что рыжая масть функционирует в поэтической системе олонхо как устойчивый образ-эталон, применимый к различным объектам описания.

Пёстрые масти – *пегая (элэмэс, ала)* и *чубарая (чуобур)* – включаются в компаративные формулы, основанные на мотиве контраста, узорчатости, многоцветия: *Сэттэ кыталык элэмэс дьүһүннээх, / Чоккуруос харахтаах, / Абыс ардайдаах сиэллээх, / Таннары тараах туйахтаах, / Чонкуруун кутуруктаах. / Томторуктаах хонгоруулаах / Ытык сылгы* [17, с. 29] ‘Семи избранных лошадей, / Белых, как стерхи, / С черными чулками на ногах, / Со светлыми глазами, / С гривами пышными, / С высокими мордами белыми, / С жёсткими хвостами, / С копытами гребешками’ [17, с. 298]. В данном описании сочетание названия основной масти с белыми отметинами на ногах и особенностями экстерьера создаёт образ исключительной, сакральной лошади (*ытык сылгы*). Контрастность цветов усиливает впечатление необычности, выделенности этого коня из ряда обычных.

Функциональная нагрузка компаративных формул. Компаративная функция названий мастей лошади в якутском олонхо выполняет несколько взаимосвязанных задач: 1. Визуализация образа. Развёрнутые сравнения создают максимально детализированный, зримый образ, позволяя слушателю/читателю представить его во всех подробностях. Масть становится отправной точкой для разворачивания целой картины, включающей не только цвет; 2. Космологическая локализация. Через систему сравнений с объектами определённого космологического уровня (небесные реки для белого, подземные глубины для чёрного) масть встраивает лошадь в трёхчастную структуру мироздания, указывая на его принадлежность к одному из миров; Сакрализация образа. Гиперболизация признака через серию сравнений создаёт эффект исключительности, выводит лошадь за пределы обыденного. Лошадь оказывается не просто белым, но более всех мыслимых эталонов белизны, что может маркировать его как существо сверхъестественное; 3. Формульная организация текста. Компаративные формулы с наименованиями масти лошади являются устойчивыми блоками эпического повествования, обеспечивающими воспроизводимость описаний; Эстетическая функция. Компаративные формулы демонстрируют поэтическое мастерство олонхосута, его способность создавать яркие, запоминающиеся образы, виртуозно оперируя традиционными эпическими топосами.

Редукция компаративной функции в татарском эпосе. В татарском эпосе «Идегей» компаративная функция названий мастей лошади выражена значительно слабее, что обусловлено иной поэтической установкой историко-героического эпоса. Описания лошадей в «Идегее» тяготеют к лаконизму и функциональности; масть называется, но не разворачивается в систему развёрнутых сравнений. Типичное упоминание названий мастей лошадей в «Идегее»: *Азамат ир Туктамыш – Акбүз аты астында, / Лачыны ияр кашында* ‘А хан Токтамыш был таков: / Белый (акъ) конь под ним – на земле, / Чёрный сокол пред ним – на седле’ [18, с. 7]. Здесь масть коня (белый) названа как факт, как атрибут персонажа, но не становится основанием для развёрнутого сравнения. Белизна коня констатируется, но не гиперболизируется. Такое различие связано с общей установкой двух эпических традиций: якутское олонхо тяготеет к статичным описаниям-портретам, детальной характеристике персонажей и их атрибутов, татарский эпос ориентирован на динамику действия, быструю смену событий, экономии описательных средств.

Идентификационная функция: названия мастей лошади как опознавательный знак. В эпическом повествовании, где действует множество персонажей и их атрибутов, масть коня выполняет важную идентификационную функцию – служит средством распознавания, различения, идентификации персонажа в потоке нарратива.

Механизмы идентификации в якутском олонхо. В олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» названия мастей лошади выступают как один из основных идентификаторов коня, позволяющий отличить скакуна главного героя от коней других персонажей: *Тыллаах өстөөх / Хара Кулун аттаах / Сылгы уола Дыырай бөбө* [17, с. 36] ‘Ездящий на вороном / Говорящем жеребёнке / Сын лошади Богатырь Дыырай’ [17, с. 210]. Вороная масть (*хара*) здесь входит в состав имени богатыря (*хара кулун* ‘вороной жеребёнок’) и становится неотъемлемой частью идентификационной формулы героя. Упоминание наименований масти позволяет слушателю мгновенно распознать, о каком коне и, соответственно, о каком герое идёт речь.

Примечательно, что идентификационная функция названий мастей лошади усиливается через систему названий отметин, создающих уникальный, неповторимый облик лошади: *Сэттэ кыталык элэмэс дьүһүннээх, / Чоккуруос харахтаах, / Абыс ардайдаах сизллээх, / Таннары тараах туйахтаах, / Чонкуруун кутуруктаах. / Томторуктаах хоноруулаах / Ытык сылгы* [17, с. 29] ‘Семи избранных лошадей, / Белых, как стерхи, / С черными чулками на ногах, / Со светлыми глазами, / С гривами пышными, / С высокими мордами белыми, / С жёсткими хвостами, / С копытами гребешками’ [17, с. 298]. Сочетание названий базовой масти с конкретными отметинами создаёт абсолютно индивидуализированный портрет, исключающий возможность спутать эту лошадь с каким-либо другим.

В «Идегее» идентификационная функция названий мастей лошади реализуется более экономными средствами. Масть называется при первом представлении персонажа и его коня, затем может упоминаться эпизодически для напоминания: *Ашыкмый майдан буйлатып, Шаһ Тимергә килгәндә, / Каршылап атын туктатып, / Иелеп сәләм биргәндә, / Яндаш жирән ат менгән, / Айдай йөзе балкыган, / Көндәй йөзе салкыган, / Акбеләк кыз килгәндә* ‘По майдану, не спеша, / Подъехал к Тимиру Идегей, / Поклонясь, произнёс привет. / Рядом с ним, на рыжем (جیران джирянь) коне, / Лучась, как солнечный свет, / Сияя, подобно луне, – / Акбиляк, чиста и светла’ [18, с. 75]. Упоминание рыжего коня служит идентификации персонажа (девушка-красавица Акбиляк), но не разворачивается в детальное описание. Названия масти здесь – краткая визуальная метка, достаточная для узнавания. Отсутствие в татарском эпосе развитой системы отметин компенсируется иными средствами индивидуализации: указанием на породу коня, его происхождение, кличку, боевые качества. Идентификация осуществляется комплексно, и названия масти лошади – лишь один из элементов этого комплекса.

Прогностическая функция: названия масти лошади как предвестие. В мифопоэтической логике эпоса названия масти лошади может выполнять прогностическую функцию – предвещать исход событий, судьбу героя, характер грядущих испытаний. Механизмы прогноза. Прогностическая функция основана на устойчивых семантических корреляциях между цветом и типом события: белый – благоприятный исход, чёрный – опасность или испытание, пёстрый – неопределённость, непредсказуемость. Появление коня определённой масти в ключевой момент может служить знамением.

Онирическая прогностика в «Идегее». В татарском эпосе прогностическая функция наименований масти лошади наиболее ярко проявляется в эпизоде вещего сна: *Мин бүген кич төшемдә Алтынлы ияр акбүз ат Ялыннан тотып менепмен* ‘Я ночью сегодня во сне / Сидел на белом (акъ) коне, / На седле золотом’ [18, с. 61]. Сон, в котором герой видит себя на белом коне под золотым седлом, получает позитивную интерпретацию: *Алтын ияр акбүз ат, Төшендә тотып син менсәң* ‘Если ты сегодня во сне / Сидел на белом (акъ) коне, / Под тобой – золотое седло, / Значит, цели достигнешь ты, / Засияет оно светло!’ [18, с. 61]. Белый конь в онирическом пространстве выступает как символ грядущего триумфа, достижения цели, обретения власти. Названия масти здесь функционирует как элемент символического кода сновидения, требующего дешифровки. Примечательно, что прогностическая функция названий мастей лошади в татарском эпосе перенесена из реального плана в онирический: не реальный белый конь предвещает успех, но образ белого коня во сне. Это свидетельствует о трансформации

архаической семантики в условиях рационализации эпоса: прямая магическая связь масти и судьбы заменяется опосредованной, символической.

Формульно-поэтическая функция: названия мастей лошади в системе эпитетов. Названия мастей лошади включаются в систему постоянных эпитетов, характерных для эпической поэтики. Формулы с указанием названий мастей лошади становятся устойчивыми, воспроизводимыми блоками текста, обеспечивающими его стабильность при устной передаче. Структура эпитетных формул в олонхо. В якутском олонхо названия масти лошади входят в состав развернутых многочисленных эпитетов, характеризующих коня: *Тобус куннук сири / Тобуста дук гынан ылар / Чучугур чуогур аттаах / Тойон Дьобуруонтай бухатыыр* [17, с. 123] 'Тойон Джобуруон-тай / На коне Чучугур Чуогур, / Одолевающим девятью прыжками / Расстояние в девять дней пути' [17, с. 302]. Здесь чубарая масть лошади входит в состав имени богатыря и связывается с характеристикой коня сверхъестественных способностей (преодоление огромных расстояний). Масть, имя и героические качества сплавляются в единую формулу, которая повторяется при каждом упоминании данного персонажа.

Лаконичные формулы в «Идегее». В татарском эпосе эпитетные формулы с мастью тяготеют к краткости: «на вороном (*кара*) коне», «на сером аргамаке (*соро*)», «на рыжем (جیران *джирянь*) скакуне». Эти формулы не разрастаются в многострочные описания, но выполняют ту же функцию – служат стабильными блоками, маркирующими появление персонажа в тексте.

Семантические поля названий мастей лошади

Функции наименований мастей лошади в эпическом нарративе тесно связаны с их семантикой – совокупностью значений, которыми наделяется тот или иной цвет в эпической традиции. Семантика названий мастей лошади формируется на пересечении нескольких культурных кодов: космологического (связь с мифологической картиной мира), социального (отражение общественной иерархии), эстетического (система представлений о красоте и благородстве), этического (соотнесение с моральными категориями). Анализ семантических полей названий основных мастей позволяет реконструировать глубинные представления тюркских народов о связи цвета, статуса и судьбы.

Белая/светлая масть: семантика света, чистоты, сакральности. *Космологический код.* В рассматриваемом олонхо белая масть (*урун, манган, аас мабан*) устойчиво ассоциируется с Верхним миром (*Үөһээ дойду*) – обителью светлых божеств айыы, источником света, жизни. Примечательно использование белой масти для метафорического описания элементов Верхнего мира: *Үүт дьөһүөл аартыктаах / Аас мабан сылгы сиэллээх кутуругун / Арыя баттаабыт курдук / Мабан дьаралык аартыктаах* [17, с. 181] 'Дающий обильно молоко, / С белым веселым проходом, / Подобным раскрытым / Гривам и хвостам / Белых лошадей' [17, с. 340] – описание небесной реки через сравнение с гривами белых лошадей. Здесь белизна лошади становится эталоном, к которому приравняются космические объекты. Это свидетельствует о центральном месте образа белой лошади в системе представлений о Верхнем мире: не лошадь уподобляется небесным явлениям, но небесные явления описываются через уподобление лошади данной масти.

Социальный код. В татарском эпосе «Идегей» светлая масть (*соры* 'серая', предположительно белые оттенки) функционирует как маркер высшего социального статуса. Белый/серый конь – атрибут правителя, знак его власти, легитимности, благородства происхождения.

Эта семантика восходит к реальным практикам тюркских и монгольских государств, где белые кони действительно предназначались для ханов и высшей аристократии. Белый конь участвовал в церемониях интронизации, торжественных выездах, дипломатических миссиях. Дарение белого коня было жестом особой милости, возвышения. В эпосе эта практика преобразуется в устойчивый символ: *Азамат ир Туктамыш – Акбүз аты астында, Лачыны ияр кашында* 'А хан Токтамыш был таков: / Белый (*акъ*) конь под ним – на земле' [18, с. 2]. Белый конь здесь – неотъемлемый атрибут ханского достоинства, визуальное воплощение власти.

Отсутствие белого коня равносильно утрате статуса. В обеих традициях белая масть связана с представлениями о красоте, совершенстве, гармонии. Белый конь – эталон красоты, его описание изобилует эпитетами, восхваляющими благородство линий, изящество сложения, гармонию пропорций.

Вороная масть: семантика силы и мощи. В обеих традициях вороная масть устойчиво связана с представлениями об исключительной физической силе, мощи, выносливости. Вороной конь – это боевой конь, способный выдержать любые испытания. В эпосе «Идегей»: *Кара аргымак катырсам, / Толпар сайлап менэрмен* ‘Если быстрый скакун подо мной / В битвах испытанный вороной (кара)’ [18, с. 113]. Чёрный цвет символизирует концентрацию энергии, плотность материи, неукротимую витальность. Вороной конь тяжелее, мощнее, неодолимее белого – он воплощает не небесную силу, но силу земную, материальную, способную к физическому сокрушению врага.

Рыжая масть: семантика огня, энергии. Рыжая масть (*кугас* в якутском, *жирян* в татарском) и связанные с ней красновато-жёлтые оттенки несут солярную и огненную семантику, указывающую на связь с активными, динамическими, трансформирующими силами. Огненная символика. Рыжий цвет ассоциируется с пламенем, заревом, жаром. Лошадь рыжей масти – это лошадь, несущий в себе огненную стихию, способный к стремительным рывкам, внезапным атакам, взрывной энергии. В рассматриваемом олонхо: *Кугас кулун кумаардаах* [17, с. 182] ‘с комаром как рыжий жеребёнок’. Сравнение комара с рыжим жеребёнком (вероятно, по признаку малого размера и рыжеватого оттенка) указывает на то, что рыжесть в якутском восприятии связана с идеей маленького, но активного, энергичного, жалящего. Рыжий жеребёнок – воплощение неукротимой витальности, избытка энергии. Солярные коннотации. Рыжевато-золотистые оттенки связаны с образом солнца, зари, восходящего светила: «Рядом с ним, на рыжем (*جيران джирянь*) коне, / Лучась, как солнечный свет» [18, с. 75]. Рыжий конь девушки-красавицы Акбиял коррелирует с её сияющей красотой, создавая визуальную гармонию: всадница, лучащаяся, как солнце, на коне солнечного, огненного цвета. Рыжесть здесь символизирует яркость, заметность, притягательность.

Названия *пёстрых мастей лошади*. Семантика необычности и чудесности. В традиционных культурах животные нестандартного окраса нередко наделялись магическими, сверхъестественными свойствами. Пегие лошади – необыкновенные, выделяющийся из ряда обычных, привлекающий внимание своей необычностью. В рассматриваемом олонхо пегие лошади описываются как священные животные (*ытык сылгы*): *Сэттэ кыталык элэмэс дьүһүннээх... / Ытык сылгы* [17, с. 135] ‘Семи избранных лошадей, / Белых, как стерхи... / Священных коней’ [17, с. 298]. Пёстрость здесь – знак сакральности, избранности. Необычный окрас оказывается меткой божества, наложенной на животное при его сотворении. В татарском эпосе пёстрые масти могут маркировать «иное» происхождение: конь, пришедший издалека, из чужих земель, не укоренённый в локальной традиции: *Торып килеп Идегэй, / Хан ни бирсэ, аны алды: / Ал кара кеш тун икэн – / Кияренэ аны алды; / Тимгелчуар ат икэн – / Менэренэ аны алды* – ‘Принял он Токтамыша дары: / Обновился его удел. / Он соболю шубу надел, / Чтобы красовалась на нём. / Знатный всадник, теперь он владел / Пегим (ала) в яблоках скакуном’ [18, с. 19]. Пегий в яблоках скакун, полученный в дар, – знак высокого статуса, но одновременно и чуждости: это конь не местной породы, привезённый, экзотический. Его необычный окрас подчёркивает инаковость, особость дара.

Названия «нейтральных» мастей: зональные и двухцветные. Зональные (сур ‘мышастая’, сизр/кула ‘саврасая’) и двухцветные (тураҕас/туры ‘гнедая’, саалыр ‘буланая’, күрэн ‘бурая’) масти занимают периферийное положение в системе эпической семантики, не обладая столь яркими космологическими, социальными или этическими коннотациями, как белая, вороная или пёстрая. Фоновая функция: эти масти характеризуют коней второстепенных персонажей – спутников героя, рядовых богатырей, представителей среднего слоя эпического общества.

Это масти «нормы», фона, на котором выделяются символически нагруженные белые, вороные, пёстрые кони главных героев: *Боты савырлы көрэн ат, / Ботка тартып менэр ат: [?]Ике саклык турыны / Олауга жайдак алыр ул* – «Из коней саврасых (قولا кула) твоих / Выберет мощного скакуна, / Выберет двух запасных гнедых (يروت туры)’ [18, с. 45]. Саврасые и гнедые кони здесь – обычные, рабочие лошади, не наделённые особой символикой, но ценные своими практическими качествами (выносливостью, силой). Реалистичность и этнографическая достоверность: двухцветные масти, особенно гнедая, являются наиболее распространёнными среди реальных лошадей тюркских народов. Их присутствие в эпосе создаёт элемент реалистичности, приближает эпический мир к миру слушателей, делает его узнаваемым. Зональность как архаический признак: зональные масти (*сур, сизэр/кула*) с характерным тёмным ремнём вдоль спины (ремень дикости) могут восприниматься как знак древности происхождения, связи с дикими предками лошади. Ритуальное использование: в якутском олонхо упоминается ритуальное заклание лошади мышастой масти. Выбор именно лошади мышастой масти для жертвоприношения может указывать на её особый ритуальный статус. Возможно, зональные масти воспринимались как промежуточные между светлыми и тёмными, что делало их подходящими для роли медиаторов между миром людей и миром духов.

Оттеночная дифференциация в якутской традиции. Наличие в якутском олонхо наименований подмастей (*сизэр күрэн* ‘саврасо-бурая’, *аас мабан* ‘желтовато-белая’) свидетельствует о стремлении к нюансировке, различению тонких оттенков даже внутри «нейтральных» категорий: «*Сизэр күрэн дьабыл дойду*» [17, с. 146] – описание Среднего мира как саврасо-бурой пёстрой земли. Использование составного цветообозначения для характеристики самого Среднего мира указывает на значимость оттеночных нюансов в якутской картине мира. Средний мир – не чисто белый (как Верхний) и не чисто чёрный (как Нижний), но промежуточный, смешанный, что и передаётся через составное цветообозначение *сизэр күрэн*.

Функциональный анализ выявил, что названия мастей лошади в тюркском эпосе выполняют комплекс задач: компаративную, идентификационную, характерологическую, прогностическую, формульно-поэтическую. При этом якутская традиция характеризуется доминированием компаративной функции и мультифункциональностью, татарская – социально-статусной функцией и бифункциональной моделью. Семантический анализ показал, что семантика названий мастей формируется на пересечении нескольких культурных кодов: космологического, социального, эстетического, этического. Якутская традиция характеризуется доминированием космологического кода и детализацией семантики через оттенки и отметины. Татарская традиция демонстрирует доминирование социального и этического кодов при редукции космологического и категориальности семантики. Диахроническая перспектива позволяет рассматривать две традиции как различные стадии эволюции эпической цветовой символики: от мифологической космологичности (олонхо) к историзированной социальности (Идегей). Эта эволюция отражает общую трансформацию эпоса от мифологического к историко-героическому типу.

Заключение

Исследование семантики и функций наименований мастей лошади в якутском олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» и татарском эпосе «Идегей» выявило существенные различия между традициями. Систематизация терминологии показала количественную асимметрию: якутское олонхо содержит 25 единиц цветовой терминологии (14 основных мастей, 2 подмасти, 9 отметин), татарский эпос – 9 единиц (8 основных мастей, 1 отметина, при отсутствии подмастей). Это свидетельствует о принципиально различной роли цветовой характеристики лошади в поэтике традиций. Функциональный анализ выявил типологически различные модели. Якутское олонхо демонстрирует мультифункциональную модель, где названия масти лошади выполняет компаративную, идентификационную, характерологическую, прогностическую и формульно-поэтическую функции. Татарский эпос характеризуется бифункциональной моделью с доминированием идентификационной и социально-статусной функций. Семантический

анализ показал, что в якутской традиции доминирует космологический код с чёткой привязкой названий мастей лошади к трёхчастной структуре мироздания. В татарском эпосе преобладает социальный код, где наименование масти маркирует место персонажа в сословной иерархии.

Литература

1. Губо А., Барье Г. *Экстерьер лошади*. Орел: Типография Губернского Правления; 1901:819.
2. Красников А.С. *Экстерьер лошади*. Москва: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы; 1957: 352.
3. Бахилина Н.Б. *История цветообозначений в русском языке*. Москва: Наука; 1975:292.
4. Кожемякина Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: 2001:25.
5. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн.: Щербак А.М. *Историческое развитие лексики тюркских языков*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961:82–172.
6. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1971:174.
7. Бачаева С.Е. Толкования наименований масти лошадей. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016; 1(23): 202–211.
8. Файзуллина З.С. Этнокультурные особенности цветообозначения в современном башкирском языке. Дис. ...канд. филол. наук. Уфа: 2005:170.
9. Исакова Г.А. О названиях мастей лошадей в татарском языке. *Вестник Чувашского университета*. 2008;(3):151–154.
10. Таймасханова Т.Г. Терминология коневодства в кумыкском языке. В кн.: Таймасханова Т.Г. *Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц*. Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР; 1988:68–74.
11. Ягафарова Г.Н. Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2011;(1):82–87.
12. Миягашева А.А. Наименование мастей лошади в тюркских языках народов Южной Сибири. В кн.: Панин Л.Г. (ред.) *Студент и научно-технический прогресс. Языкознание*. Новосибирск: НГУ; 2012:129–130.
13. Даржа В.К. *Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во им. Ю.Ш. Кюнзегеша; 2014:184.
14. Фахретдинов Р.М., Яруллина Ф.И., Гонсалес Х. Национальные особенности лингвистики цвета во французском и татарском языках. *Tatarica*. 2018; 1(10):7–21.
15. Муратова Р.Т. Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021;163(1):19–29.
16. Божеденова А.Е. Наименование мастей лошади в якутском языке как способ цветообозначения: система и структура. Дис. ...канд. филол. наук. Якутск: 2025:317.
17. Бурнашев И.И. – Тонг Суорунг. *Сылгы уола Дыырай бухатыыр: олонхо = Сын лошади богатырь Дыырай: олонхо*. Якутск: Издательский дом СФВУ; 2013:371 (на якутском и русском яз.).
18. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татарское кн. изд-во; 2019:270.
19. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*. В 15 томах. Новосибирск: Наука; 2004–2018.
20. Мәһдиев М.С. *Ачы тәҗрибә*. Казан: Тат. кит. Нәшр.; 1993:384 (на татарском яз.).
21. Остроумов Н.П. *Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии*. Казань: В типографии Императорского университета; 1876:145.
22. Остроумов Н.П. *Татарско-русский словарь*. Казань: Православ. миссионер. о-во; 1892:246.
23. Гиганов И. *Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими*: Санкт-Петербург.: Имп. АН; 1804:627.
24. Габдельгазиз Шигабутдин. *Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь*. Казань.: Типолит. Имп. ун-та; 1893:72.
25. Юнусов М. *Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений*. Казань: Тип. торг. д. бр. Каримовы; 1900: 115.

26. Воскресенский А.А. *Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов*. Казань: Типо-лит. Университета; 1894:374.

27. Будагов Л. *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2 т.*: Санкт-Петербург: Тип. АН; 1869. Т. 1.:810.

28. Насыри К. *Татарско-русский словарь*. Казань: Типография Императорского Университета; 1878:120.

29. Троянский А.А. *Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ речений арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тицаніемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комисіи духовныхъ училищъ, в 2 т.* Казань: Университетская типография; 1833–1835:340.

References

1. Gubo A., Bar'e G. *Horse exterior*. Orel: Printing House of the Provincial Government; 1901:819 (in Russian).
2. Krasnikov AS. *Horse exterior*. Moscow: State Publishing House of Agricultural Literature; 1957:352 (in Russian).
3. Bakhilina NB. *History of color designations in the Russian language*. Moscow: Nauka Publ.; 1975:292 (in Russian).
4. Kozhemyakina EA. History of the formation of the semantics of adjectives-color designations in the Russian language. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Cheboksary: 2001:25 (in Russian).
5. Shcherbak AM. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. In: Shcherbak AM. *Historical development of the vocabulary of Turkic languages*. Moscow: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1961:82–172 (in Russian).
6. Antonov NK. *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House; 1971:174 (in Russian).
7. Bachaeva SE. Interpretations of horse coat color names. *Oriental Studies*. 2016;1(23):202–211 (in Russian).
8. Fajzullina ZS. Ethnocultural features of color designation in the modern Bashkir language. Candidate's dissertation (Philology). Ufa: 2005:170 (in Russian).
9. Iskhakova GA. On the names of horse coat colors in the Tatar language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008;(3):151–154 (in Russian).
10. Tajmaskhanova TG. Terminology of horse breeding in the Kumyk language. In: Tajmaskhanova TG. *Sectoral vocabulary of Dagestan languages: names of animals and birds*. Makhachkala, IYal Dagestan branch of the AS USSR Publ.; 1988:68–74 (in Russian).
11. Yagafarova GN. Nomination by color in the horse breeding vocabulary of the Bashkir language. *Cherepovets State University Bulletin*. 2011;(1):82–87 (in Russian).
12. Miyagasheva AA. Names of horse coat colors in the Turkic languages of the peoples of Southern Siberia. In: Panin LG. (ed.) *Student i nauchno-tekhnikeskij progress. Yazykoznanie*. Novosibirsk: NGU Publ.; 2012:129–130 (in Russian).
13. Darzha VK. *The horse in the traditional practice of Tuvan nomads*. Kyzyl: Y.Sh. Kyunzegesh Tuva Book Publ. House; 2014:84 (in Russian).
14. Fakhretdinov RM., Yarullina FI., Gonsales Kh. National features of color linguistics in French and Tatar languages. *Tatarica*. 2018;1(10):7–21 (in Russian).
15. Muratova RT. Names of mixed horse coat colors in the Bashkir language: genesis, development and semantics. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2021;1(163):19–29 (in Russian).
16. Bozhedonova AE. Names of horse coat colors in the Yakut language as a way of color designation: system and structure. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 2025:317 (in Russian).
17. Burnashev II. – Tong Suorong. *The son of a horse, the hero Dyyraj: olonkho*. Yakutsk; NEFU Publ. House; 2013:371 (in Yakut and Russian).
18. Idegey. Tatar folk epic. Kazan: Tatar Book Publ. House; 2019:270 (in Russian).
19. Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 volumes. Novosibirsk: Nauka; 2004–2018.

20. Mekhdiiev MS. *Bitter experience*. Kazan; Tatar Book Publ. House; 1993:384 (in Tatar).
21. Ostroumov NP. *First experience of a dictionary of the folk Tatar language according to the pronunciation of the baptized Tatars of the Kazan province*. Kazan: Printing House of the Imperial University; 1876:145 (in Russian).
22. Ostroumov NP. *Tatar-Russian dictionary*. Kazan: Pravoslav. missioner community Publ.; 1892:246 (in Russian).
23. Giganov I. *Russian-Tatar dictionary, compiled at the Tobolsk main public school by the Tatar language teacher I. Giganov and yurt mullahs*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1804:627 (in Russian).
24. Gabdel'gaziz Shigabutdin. *Translation from Tatar into Russian or dictionary*. Kazan: Printing and Lithography of the Imperial Kazan University; 1893:72 (in Russian).
25. Yunusov M. *Tatar-Russian dictionary of the most common words and expressions*. Kazan: Printing House of the Karimov Brothers Trading House; 1900:115 (in Russian).
26. Voskresensky AA. *Russian-Tatar dictionary with a preface on pronunciation and etymological changes of Tatar words*. Kazan: Printing House of the Karimov Brothers Trading House; 1894:374 (in Russian).
27. Budagov L. *Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects, including the most common Arabic and Persian words and with translation into Russian*: in 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Printing House of the Academy of Sciences; 1869:810 (in Russian).
28. Nasyri K. *Tatar-Russian dictionary*. Kazan: Printing and Lithography of the Imperial Kazan University; 1878:120.
29. Troyansky AA. *Dictionary of the Tatar language and some commonly used Arabic and Persian expressions, compiled by the efforts and diligence of the Tatar language teacher at the Kazan Seminary, priest Alexander Troyansky and printed with the permission of the commission of theological schools, in 2 vols*. Kazan: University Printing House; 1833–1835:340.

Об авторах

Божедонова Алла Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник – заведующий сектором «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0001-9593-2457, e-mail: bozhedonova2015@mail.ru.

Замалетдинов Радиф Рифкатович, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ORCID: 0000-0002-2692-1698, e-mail: radif.zamaletdinov@kpfu.ru.

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра общего языкознания и тюркологии, Высшая школа национальной культуры и образования им. Г. Тукая, Института филологии и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ORCID 0000-0003-4156-5705, e-mail: alyusupova@yandex.ru.

About the authors

Alla E. Bozhedonova, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher – Head of the Linguofolkloristics Sector, Olonkho Research Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0001-9593-2457, e-mail: bozhedonova2015@mail.ru.

Radif R. Zamaletdinov, Doctor Sci. (Philology), Professor, Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, ORCID: 0000-0002-2692-1698, e-mail: radif.zamaletdinov@kpfu.ru.

Alfiya Sh. Yusupova, Doctor Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics and Turkic Studies, G. Tukay Higher School of National Culture and Education, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, ORCID 0000-0003-4156-5705, e-mail: alyusupova@yandex.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Божедонова А. Е. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, руководство исследованием.

Замалетдинова Р. Р. – разработка концепции исследования, проведение исследования, редактирование рукописи исследования.

Юсупова А. Ш. - разработка концепции исследования, проведение исследования, редактирование рукописи исследования.

Alla E. Bozhedonova – conceptualization, methodology, investigation, supervision.

Radif R. Zamaletdinov – conceptualization, investigation, writing – review & editing.

Alfiya Sh. Yusupova – conceptualization, investigation, writing – review & editing.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 09.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 12.12.2025

Принята к публикации / Accepted 22.12.2025